

26. Mironowicz, A., Prawosławie i unia za panowania Jana Kazimierza, Białystok 1997.

27. Mironowicz, A. Wokół sporu o przyczyny unii brzeskiej, [=Białoruskie Zeszyty Historyczne, № 2 (4), Białystok 1995]. – С. 23–38;

28. Mironowicz A., The Easter Christian Tradition in Poland and its Neighbors, Białystok 2010.

29. Pekar A., The Union of Brest and Attempts to Destroy it, „Analecta Ordinis S. Basilii Magni”. – Roma, 1992. – Т. XIV (XX).

30. Pelesz J., Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart . – Würzburg–Wien, 1881. – Т. 2.

31. Runciman, S. Wielki kościół w niewoli. – Warszawa 1973. – С. 116–126.

32. Rzemieniuk F., Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego. Neounia. – Lublin, 1999.

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНЫХ ТРАДИЦИЙ И ЦЕННОСТЕЙ В ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ

*Осипов А.И.
(Минск, Беларусь)*

Проблема духовно-нравственного воспитания стала особенно актуальной после распада СССР, который привел не только к крушению прежних форм организации жизни, но и фундаментальных мировоззренческих и идеологических ценностей. Результатом этого распада явился не только глубокий политический и социально-экономический, но и духовно-нравственный кризис постсоветского общества. Его проявления: падение нравственности, превалирование меркантильных ценностей, рост наркомании, преступности, агрессивности, немотивированной жестокости, пошлости, цинизма и т. п. Иными словами, в обществе наблюдается очевидный рост бездухов-

ности. Как отмечает митрополит Илларион (Алфеев), современная жизнь все дальше и дальше уводит человека от Бога. Человек забывает о своем предназначении, о смысле своего существования, а значит, как это ни парадоксально звучит, человек просто перестает быть человеком в подлинном значении этого слова. Он постепенно теряет те образ и подобие Божии, по которым был создан Творцом, его ориентирами сегодня становится культ наслаждений, беззаботность, безответственность, самодостаточность богатства [6, с. 275–276].

Рост бездуховности представляет собой серьезнейшую опасность духовно-нравственной деградации, эрозии и деформации нравственных норм и забвения духовных ценностей, особенно среди подрастающего поколения. А это представляет прямую угрозу национальной безопасности нашей страны. Об этом прямо говорится в концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь № 575 от 9 ноября 2010 г. В числе конкретных потенциальных угроз национальной безопасности названа «утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, попытки разрушения национальных духовно-нравственных традиций». В этих условиях правомерно говорить о духовной безопасности, которую можно рассматривать как состояние защищенности духовно-нравственных, культурно-исторических и религиозных основ жизни нашего народа, поскольку существуют стратегические угрозы в этой области.

Встает закономерный вопрос о том, что можно противопоставить этой волне бездуховности, которая представляют собой большую опасность для духовно-нравственного здоровья нашего народа? Пустоту бездуховного существования человека можно критиковать, но ее надо заполнить позитивной смысловой полнотой. Такой позитивной альтернативой бездуховности может стать потенциал православных традиций и ценностей. Но для этого необходимо сначала раскрыть глубину Православия и его значение для человека, пока-

зять культуuroобразующую роль Православия в формировании образа жизни и менталитета восточных славян. Только после этого можно ставить вопрос об актуализации потенциала православных традиций и ценностей в настоящее время и о путях, формах и методах приобщения к нему подрастающего поколения.

Процессы социально-экономической и политической трансформации на постсоветском пространстве глубинным образом зависят от культурной традиции, которая выступает как некая духовная легитимирующая инстанция. Культурно-историческая традиция – это своеобразная память народа, некий необходимый способ фиксации, закрепления и селективного сохранения определенных значимых элементов социального опыта, прошедших отбор, выдержавших проверку временем. Это универсальный механизм трансляции внутренне структурированного и аксиологически нормированного опыта, который обеспечивает генетическую связь, устойчивую преемственность в культурно-историческом процессе, приобщение к которому – необходимое условие национальной, групповой и персональной идентичности.

Как бы ни пытались апологеты постмодернизма доказать торжество ценностей глобализации и неолиберализма, необходимо признать, что уважение к нравственности и великим духовным ценностям были и останутся неперенным условием любых позитивных программ реформирования общества и успешного преодоления периодов кризиса и растерянности духа [2, с. 10]. Отказ от культурно-исторических традиций своего народа ведет к разрыву преемственности, дестабилизации, дезинтеграции, кризису идентичности.

Духовность в ее светском понимании – это устремленность человека к высокому, чистому, светлому, к тому, что лежит за пределами его витальных потребностей. Духовность – это возвышение человека над своей животной природой, своим эгоизмом. Иными словами, это выход из сферы быта, в сферу бытия, прорыв из узко-эмпири-

ческого, ограниченного мирка суетливой, повседневной событийности в бескрайние экзистенциальные горизонты человеческой бытийности, наполненной глубинными смысложизненными вопросами и ценностями.

Своеобразие восточнославянского менталитета в наибольшей степени проявлялось именно в этой жажде духовности, устремленности к высоким идеалам нравственной правды, справедливости, социального служения, которые основывались на фундаменте Православия. Христианское вероучение, христианская мораль, вся система религиозных христианских ценностей были теми стабилизирующими и консолидирующими основами, на которых строилась духовно-нравственная жизнь народа и на которые опиралась система образования и воспитания. На духовно-нравственном фундаменте православия формировались не только основные черты образа жизни, но и менталитета восточнославянских народов. Такие черты характера, как самоотверженность, жертвенность, открытость, щедрость, толерантность, соборность, сострадательность, нестяжательность, жажда справедливости, стремление к нравственной правде и др., во многом сформировались благодаря Православию с его идеалами святости, благочестия и бескорыстного служения Богу, людям и Отечеству, составляя нравственно-онтологическую основу человеческого бытия. Запад с его цивилизационной успешностью, базирующейся на расчетливости и научно-технической рациональности, всегда не переставал удивляться загадочности Восточнославянской души. Это и понятно, ибо душа эта была вскормлена иной культурно-исторической почвой, во многом пропитанной православными традициями и ценностями.

Культурообразующая роль Православия, историческая воплощенность, реализованность в прошлом потенциала православных традиций и ценностей в образе жизни и менталитете русского и белорусского народов – факт исторически бесспорный, нашедший от-

ражение в законодательстве России и Беларуси. Однако может возникнуть сомнение относительно того, насколько востребован этот потенциал в настоящее время. Нужно ли его актуализировать сейчас, в эпоху глобализации? Не будет ли такая актуализация помехой, препятствием для построения цивилизованного общества в постсоветских странах, стремящихся занять достойное место в мировом сообществе? Апологеты глобализации как раз и пытаются доказать, что культурно-исторические и религиозные традиции – это анахронизм, помеха от которой нужно как можно быстрее и без сожаления избавиться. На это можно ответить следующее. Да, действительно, культурно-исторические и религиозные традиции являются помехой на пути культурной унификации, которой чревата безудержная глобализация, понимаемая как вестернизация, а точнее как американизация. Глобальная система массовых коммуникаций выступает мощным фактором нивелирования культурных различий. Ответом на это в XX и еще более в XXI ст. является запрос на идентичность (национальную, религиозную, социально-групповую, личностную) [3, с. 13].

Религиозный ренессанс, который имеет место в постсоветских странах, свидетельствует о том, что есть некие неистребимые глубинные экзистенциальные потребности человеческой души, уставшей жить в мире пошлости, цинизма и лицемерия. «Тяга к религии в качестве своеобразного ответа на проблемы и противоречия техногенной цивилизации связана со стремлением преодолеть фрагментарность и раздробленность личности, столь характерной для «индустриального человека», с желанием обрести, таким образом, определенную целостность бытия. В возрастающем интересе к религии проявляется реакция на «холодную безличность научного знания», на жестокость технологического императива и экономического расчета, на абсолютизацию технократического сознания, в котором средства часто преобладают над целью, цель – над общечеловеческими ценностями, где укоренился инструментальный взгляд на челове-

ка как на программируемый, обучаемый компонент системы и объект разнообразных манипуляций [5, с.41].

Поэтому многие люди, погруженные в водоворот повседневных будничных забот, вдруг обнаруживают свою несамодостаточность, уязвимость, незащищенность и начинают испытывать острую потребность обретения «онтологической безопасности» в единении с Абсолютом. Как отмечает Г.Я. Миненков, религия имеет дело с «вечным в человеке» и именно поэтому всегда присутствует в обществе и истории. Религия бессмертна, потому что говорит человеку о самом важном: о Боге, смерти, вечной жизни, смыслах, которые по ту сторону обыденности и прагматики временного существования. Религия не особая функция духовной жизни человека, а то, что задает глубину всех ее функций [4, с. 38].

Но, к сожалению, помимо тяги людей к религии, духовности наблюдается, как уже отмечалось, и другая тенденция – рост бездуховности, парад пошлости, цинизма, аморализма, вседозволенности и т.п. Почему не смотря на огромный духовно-нравственный потенциал наших культурных и религиозных традиций и ценностей, которые являются нашим культурно-генетическим кодом, мутная волна гламурной пошлости и аморализма буквально захлестывают Россию, да и не только ее? Дело в том, что этот потенциал не лежит на поверхности эмпирически стихийного бытия. На него нельзя «натолкнуться» в водовороте повседневности. Поэтому приобщение каждого вступающего в жизнь поколения к традициям и ценностям своего народа не происходит автоматически, спонтанно. Спонтанно может воспроизвестись только животная природа человека – элементарные потребности, эмоции, инстинкты. А высшие свойства человека, духовные, нравственные, эстетические сами по себе не произрастут в его душе.

Точно также, для того чтобы вырастить культурное растение, необходимы систематические и напряженные усилия. В противном случае через несколько лет неводеланная почва зарастет бурьяном

и чертополохом. Сорняки никто специально не сеет. Они произрастают стихийно, сами по себе, без усилий человека. И сколько надо усилий, чтобы выполоть укоренившиеся сорняки. Так и человеческая душа, если ее не возделывать, не развивать лучшие качества, зарастет «бурьяном» страстей и пороков. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II высказал по этому поводу очень точную мысль о том, что если в душе человека нет места святости, в ней воцаряется мерзость запустения.

Чтобы отдельный человек или поколение приобщились к своей традиции нужно тактично и ненавязчиво рассказать о ней, показать ее значение для сохранения и раскрытия в человеке подлинно человеческих качеств и сформировать желание приобщиться к ней. Основные усилия для решения этой архиважной проблемы должны быть сосредоточены в сфере образования и воспитания. «Человек должен быть достаточно открыт к восприятию того, что несет ему современный мир, и одновременно быть способным защищать самые глубины своей жизни, сохраняя свою национальную, духовную, религиозную, культурную самобытность, а вместе с этой самобытностью сохраняя нравственную систему ценностей»[1, с. 182].

Литература и источники

1. Быть верным Богу. Книга бесед со Святейшим Патриархом Кириллом. – Минск, 2011.
2. Глобальный мир перед новыми вызовами. – Минск, 2002.
3. Захаров, А.В. Массовое общество и культура в России: социально-типологический анализ / А.В. Захаров // Вопросы философии. – 2003. – № 9.
4. Суперфин, Л. Религия в индустриальном и постиндустриальном мире Л. Суперфин // Вопросы экономики. – 1993. – № 8.
5. Проблема религиозно-культурной идентичности в русской мысли XIX–XX веков / Составитель Миненков Г.Я. – Минск, 2003.

6. Церковь открыта для каждого. Выступления и интервью митрополита Илариона (Алфеева) председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. – Минск, 2011.